

Гамарджоба, Россия!

Грузия приветлива и радушна по-прежнему, особенно к тем, кто едет туда с миром

Наталья ПОДКОРЫТОВА

Каждый, кто узнавал, что мы летим в Грузию – удивлялся. Когда узнавал, что просто так – удивлялся ещё больше: «Зачем? Там ведь...» Признаюсь, лёгкий (лёгонкий) червь опасения в глубине души (где-то очень в глубине) елозил, но внешние обстоятельства, сложившиеся как карты у гадалки, обещали, что всё будет хорошо! Рейс прямой, билет – не дорожке денег, самолёт наполовину пустой или наполовину полный – кому как. Большинство пассажиров летели в Тбилиси домой и шли по зелёному коридору. За визой никто не толпился. Традиционные вопросы: «Зачем едете?», «Туризм?», «Родственники, знакомые есть?», «Есть Вахтанг Кикабидзе?». Таможенник улыбается, делает отметку в паспорте: «Гамарджоба!»

Город древний, город дивный

Первое впечатление от ночного Тбилиси – загадочный и красивый в нашей красоте город: выхваченная лучами подсветки где-то высоко-высоко, почти в небе многовековая крепость Нарикала, цари-воины, Грузиямать. Утром будет, конечно, совсем другая столица. Тбилиси в ноябре – всех осенних цветов: золотой, охристый, терракотовый, кирпичный, цвета хурмы, подвальных «дамских пальчиков», подкоченного сулугуни. Как и любой город, он дивен сверху, с Авлабара, где когда-то жила Ханума, где в минувшем октябре Зураб Церетели поставил свой очередной подарок городу – памятник героям «Мимино», откуда видна и вся мутьность Куры, и слышна вся тишина мудрой грузинской столицы.

Кто бывал в Тбилиси прежде, наверняка будет искать свой город, постарается поймать невероятные ощущения, в которые он погружается всякого. Заметно изменились, наверное, центральные улицы. Старожилы до сих пор путаются в их старых-новых именах. Кое-где можно ещё встретить побитые дождями и временем, полустёртые вывески и таблички на русском языке.

Город просыпается медленно, но всё оживает вмиг. Пройдя по Марджанишвили, можно представить, как живёт сегодня Тбилиси. Неширокая, уходящая вверх и спускающаяся вниз к реке улица: по обеим сторонам мелкие магазинчики, какие-то конторки и лавочки. Окна первых этажей и полуподвалов, входы в подъезды, перекрестки – крохотные рынки: горы зелени, гранаты (плод такой!), виноград, свежий сулугуни, зелено-жёлтые лимончики. В воздухе ко всем прочим примешивается запах только что испечённого белого хлеба или хачапури. В витринах магазинов – чудовищных размеров торты, с безумными масляными розами, залитые яркими сиропами (этот кондитерский период мы прожили лет двадцать назад). За решетчатой оградой одного дома встретили ни о чём не подозревавшую прогуливающуюся курицу. Чем ближе к воде, тем современнее улица: «фирменные» магазины, надежные банки, размахистее стройка.

Лёгкость и живость грузинской столицы

Современные постройки держат уважительную дистанцию перед стариной

зинской столице придают фонтаны – и поющие, и томно стекающие. Город пока совершенно не испорчен современной архитектурой, в нём органично соседствуют дух времени Вахтанга Горгасали и период Михаила Саакашвили. Ещё нет ни одной уродины-высотки (выше всех Грузиямать), безликих сооружений из синего и зеркального стекла. Хотя нет, два есть точно: мост через Куру (весьма оригинальный, в народной топонимике именуемый прокладкой с крыльшками) и купол президентского дворца, похожий, по мнению народа, на рейхстаг. Самое стеклянное – здание МВД: почти на окраине города, рядом с другим многометровым подарком Церетели – огромной, блестящей золотом стелой «Человек и солнце», ведомство не уродует исторический центр и отвечает всем требованиям прозрачности.

Пройдусь по Руставели, сверну на Грибоедова

Главная улица тбилисской столицы и раньше, и теперь – проспект Руставели, самый холёный и ухоженный. Он как Арбат в Москве, Невский в Питере или Вайнера в Екатеринбурге. Кое-что в лесах реставрации, кое-где оставлены в нападении потомкам следы стрельбы. Но именно здесь – первые «именитые» отели, сувенирные магазины, главные тбилисские театры. Из «обесструянного» драматического им. Руставели после спектакля выходят роскошные дамы. Приехавшие за ними машины парализуют движение. Ну, создали большую пробку, ну поиграли им... Зато было на что посмотреть.

Весь проспект населён небольшими, меньше метра, скульптурами человечков, которые то присаживаются с тобой на скамеечку, то хитро выглядывают из-за угла, то неожиданно пристраиваются к твоему шагу и семенят пару метров. Саксофонист прохрюкает сквозь стены домов со своей музыкой, Сергей Параджанов замер от счастья

полёта на одной из стен, увитой диким виноградом. В соседнем скверике – бронзовая Софико Чиаурели в окружении самых известных своих героинь.

За парадным проспектом – совсем другой город. Удивительная смесь бедности и роскоши, дряхлости и свежести. Идя тихими узкими улочками, можно только догадываться, сколь богат был Тифлис. Здания XIX века – как красавицы древнего дворянского рода, в которых ничто не смогло убить ни стати, ни гордости, ни особого выражения глаз. Дома уже тронуты метастазами разрушения, но ещё высокие, строгие, украинские витиеватой лепниной, каменными завитками вензелей, спиральными резьбы. И ни разу узор не повторяется, у соседней всегда другой орнамент. Чугунные ворота и деревянные двери (а некоторым больше сотни лет от роду, и можно сойти с ума, представляя, сколько и каких людей они через себя пропустили) – произведения искусства с вязью чугунных и деревянных кружев, узелков, розеток. Пребывая не в лучшей своей форме, ветшающие, они всё ещё служат тбилисцам. И уклад их жизни не слишком отличается от того, что был так естественен для их предков. Ощущение, что в Грузии продолжается та самая жизнь, которая здесь была всегда, которая не исчезла с переменой власти, государственного устройства. Их женщины по-прежнему чаще другого предпочитают в одежде чёрный цвет, виноградная лоза – священна, а мужчины не бреют сорок дней, нося траур даже по теще.

Будешь пить циндандали...

Грузины верны сациви, чакопули, хванчаре, пхали, шоти. На всю столицу три Макдональда, несколько турецких кофеен и кальяных, один суши-бар. Обходятся своими. Да и туристам, согласитесь, странно пробовать в Грузии пиццу или роллы, когда можно позавтракать (или пообедать) обжигающим хачапури по-имеритински или по-аджарски, запивая муку-

зани. Словом, национальный общепит в тонусе. А какой коньяк! А чача? Вино, кто знает и помнит, по-прежнему хорошо. И в общем-то недешево. Даже таксисты «советуют» не покупать дешевле 18-20 лари (360-400 рублей). Коляк стоит примерно столько же. Наш гид Дато, живущий в самом центре Тбилиси, имеет дома... винодельню. Не в промышленных объёмах, но на зиму, на друзей и хороших людей вина хватает. По дороге из винной земли Грузии, Кахетии, нас завезли к виноделу-любителю. Весь погреб был забит 20-литровыми бутылками. И это только белое вино. Молодое. А было ещё красное. Прошлогоднее. Мгновению на столе оказался горючий хлеб, кружевной сыр, орехи, вяленый инжир, спелые помидоры, хурма цвета уральской облепихи, ещё теплая, несхватывшаяся чурчхела, которую делает его жена. Добавьте к этому нескончаемые грузинские тосты, готовность в любой момент что-нибудь спеть и – счастье есть!

Да пошлёт нам небо путь...

Грузины очень религиозны. И не показано, не в угоду поветрия. Выходя из метро на станции Руставели, многие крестятся, обращаясь к какому-то столбу, где, видимо, когда-то произошло что-то очень нехорошее. Проезжающие мимо храмов машины притормаживаят, водители крестятся. Грузинские храмы достаточно строгие и лаконичные: песочного цвета камень, из которого они сложены, свет, пробивающийся сверху сквозь прутья решетки, куда непременно влетена виноградная гроздь (сакральное растение для грузин), иконы Святой Нины. Одна из древнейших святынь – кафедральный храм Светициховели, недалеко от Мцхеты, в том месте, где сливаются Арагава и Кура, на высоком холме – постепенно приходит в себя, восстанавливается. На смотровой площадке, говорят, когда-то стояла царица Тамара. Дышала тем же самым воздухом, другого такого ещё поискать. Туристов здесь достаточно много, но в очередь не стоят. В монастыре Давида Гареджи, вырубленном и обустроенном за несколько веков в скалах, мы были вообще одни. Удивительнейшее место, где можно почувствовать тишину. Если повезет – подняться в горы, откуда уже виден Азербайджан, и, осторожно двигаясь по отвесному краю, попасть в скальные кельи. Поистине, беспредельно человеческое желание усладить свою плоть, и столь же бесконечно стремление укротить свой дух.

Чьих будете?

Нас все принимали за украинку и очень удивлялись, узнав, что мы из России, тем более из Свердлов-

ска (Екатеринбург мало кому что говорит). Особенно на блошином рынке, который собирается на Сухом мосту в выходные. Найти можно всё, что составляло нашу жизнь двадцать-тридцать-пятьдесят-сто лет назад. Латышские серебряные брошки, кипенно-белые льняные скатерти, пододеяльники с ришелье, салфетки ещё с ценниками, с ценами гораздо меньшими, чем сейчас проезд в транспорте, кружева ручной работы. Огромное количество красивой посуды – кузнецовский фарфор в любых комплектациях, остатки сервизов «Гарднер» в хорошем состоянии, встречались даже тарелки с императорским клеймом. Ходить можно часами, торговаться, говорить о прошлом и настоящем, поскольку молодых людей среди торговцев нет, то о потерянном братстве людей искренне сожалеют. Цены – более чем сносные, так что брать лучше сразу.

Самый дорогой билет в театр всемирно известного режиссёра Резо Габриадзе на самые лучшие места стоит триста рублей. Килограмм корюлька (его там меряют ведрами) не больше десяти. Знаменитые серные бани, в которых плескался ещё Пушкин (есть мемориальная парная), весьма популярны и у горожан, и у туристов – релакс с особым свойством спароцедурами в исполнении опытных грузинок – меньше тысячи с тела. Каиф – неопи-сваемый.

Дежа вю

Это ощущение случалось в Тбилиси очень часто. И когда видели ушедшие в небытие стеклянные конусы, в каких раньше продавали сок. И когда в лучшей хинкальной нас обслуживший буфетчик, словно сошедший с экранов грузинских короткометражек, и когда видели вереницы стареющих «жигулей», состарившихся «нив» и дряхлых «москвичей».

Уровень жизни и доходов у большинства тбилисцев весьма скромный. Здесь практически нет дорогих магазинов (есть несколько известных брендов, но исключительно мужские), роскошных салонов красоты, которыми нашпигован Екатеринбург, нет клубных домов и элитных фитнес-центров. Люди живут почти так же, как и во времена Ханумы – ходят за продуктами на рынок, сушат бельё на улице, отдыхают в зной на знаменитых тбилисских верандах-балкончиках, которые есть в каждом доме. Если и иномарка, то поддержанный «опель». Дорогих – единицы. Однажды видели свадебный лимужин. С работой в Грузии, судя по всему, не очень хорошо, особенно в провинции, потому все и стекаются в Тбилиси. Самая распространённая у мужчин – извоз. Такси – невероятное количество: взмах руки, и машина останавлива-

ется. Для многих это главный заработок, несмотря на очень низкие цены – 100 рублей самая дорогая поездка. За 10-20 минут дороги успеваешь поговорить о многом: о порядке в городе, об отсутствии коррупции, о том, что у них нет ГАИ. Бардака при этом на дорогах больше не стало, не видели за неделю ни одной пробки, ни одной аварии. Ездят, конечно, как джигиты, но договариваются как джентельмены.

Я русский бы выучил только за то...

На третий день жизни в гостеприимном Тбилиси наконец-то поняли, что казалось таким неощутимо странным: здесь удивительно доброжелательные люди. От чего мы, к сожалению, уже отвыкли. Это касается всех, с кем приходилось общаться, пересекаться. Можно спросить у прохожего, что это за здание, и получить 10-минутный рассказ о его истории и значении. Официантка в ресторане пишет на бумажке названия мест, куда нужно обязательно доехать, дойти, посмотреть. Хозяйка маленького магазина бросает его и ведёт нас за квартал в антикварный магазин, который мы никак не могли найти. Таксист, желая показать лучшую в городе хинкальную, довольно долго везёт нас в другую часть Тбилиси и не берёт за это денег: «Вы же гости!» Водитель экскурсионной машины отдаёт свою куртку, чтобы гостя не замерзла в горах.

Наш экскурсовод Дато – коренной тбилисец, 47 лет, по образованию инженер, по призванию рассказчик, найдённый нами совершенно случайно в сувенирной лавке в арке на Руставели, показав нам свой Тбилиси, свою Кахетию. Рассказывал на прекрасном русском языке. Естественно, он великолепно говорит на родном и думает на грузинском, но «только в русском языке есть столько красивых слов, чтобы я мог передать вам всю свою любовь к Грузии».

В ноябре в Тбилиси проходил Фестиваль российского кино, и на спектакле в театре Габриадзе мы сидели в одном ряду с Вадимом Абдрашитовым, Машей Мирановой с сыном, Евдокией Германовой. Через культуру, через личные контакты всё как-то становится на круги своя, приходит в норму человеческое общение. В милой домашней гостинице постояльцы к вечеру стеклись на чай. В один из дней встретились азербайджанцы, татары, туристы из Новороссии. Долго и много разговаривали, опять-таки на русском. Проблем с языком – вообще никаких. Были готовы в случае чего перейти на английский. Но ни разу не понадобилось: в магазинах, в двух отелях, в такси, в музеях, театре, на улице, все понимают русский и все говорят. Никакой неприязни, языковой или человеческой...

Красное и чёрное

Единственное, что царствовало – Музей оккупации. Вся история Грузии с 1921 года по 1991 год – оккупация. Причем Россией. Все стенды, все витрины, все фотографии «залить» кровью. Всё подано в лоб, очень однозначно... К жертвам оккупации причислены даже те, кто погиб в Великую Отечественную... Ничего светлого за те 70 лет в стране, по мнению авторов экспозиции, не произошло. Полстала книга отзывов. Нашла запись на русском: «Музей не должен пропагандировать и агитировать, не должен сеять вражду между народами, он должен пробуждать добрые чувства силой искусства...»

Уезжали в 6 утра. Улыбающийся пограничник спрашивает: «Понравилось у нас?». «Да. Очень». «Ещё приедете?». «Конечно. Только давайте скорее, у нас уже посадку объявили». «Не бойтесь, без вас не улетят. А я вот Питер люблю...»

На улицах часто можно встретить людей с протяннутой рукой

Прорывающаяся сквозь бетон музыка

Жизнь в мире и согласии

Всё национальное – в чести